

КАК НАРУШИТЬ ТРИ ЗАПРЕТА: НЕМНОГО О РУССКИХ ГЛАГОЛАХ НА САМ-...-СЯ*

© 2017

Павел Валерьевич Гращенко

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт востоковедения РАН, Москва, 107996, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, 119991, Москва, Российская Федерация; pavel.gra@gmail.com

В статье обсуждается нарушение русскими формами типа *самоуничтожаться*, *самовзрывающийся* трех ограничений: а) запрета на образование в русском языке сложных глаголов; б) запрета на выражение в сложных словах субъекта; в) запрета на дистантное расположение деривационных показателей и корневой морфемы. Приведенный в статье анализ показывает, что аргументы в составе сложных слов не могут получать агентивных ролей. Корень *сам*, регулярно встречающийся в первой части сложных глагольных основ, проецируется рефлексивными средствами, *-ся* или *себя*. Способность иметь собственные зависимые говорит о вершинном свойстве *-ся*, связанном с проекцией $v(\text{oice})P$.

Ключевые слова: глагол, залог, рефлексив, русский язык, словообразование

HOW TO BREAK THREE PROHIBITIONS AT A TIME: SOME REMARKS ON RUSSIAN VERBS WITH SAM-...-SJA

Pavel V. Grashchenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107996, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; pavel.gra@gmail.com

The paper discusses the fact that Russian forms like *samouničtožatsja*, *samovzryvajušč'ijsja* violate three constraints: a) the constraint on complex verb derivation; b) the constraint on subject expression; c) the constraint on discontinuous placement of derivational morphology. The analysis shows that the arguments of compounds cannot bear the agent role. The root *sam-* ('self', emphatic) is often observed in the first part of verbal compounds and is projected here by the reflexives *-sja* or *seb' a*. The ability to project its own structure shows that *-sja* is a head projecting $v(\text{oice})P$.

Keywords: derivation, reflexive, Russian, verb, voice

1. Некоторые ограничения русской глагольной морфологии

Правила образования лексем типа *самоуничтожаться*, *самовзрывающийся* нарушают сразу три ограничения, действующих в русском языке. Ниже мы кратко опишем эти три запрета, после чего попробуем установить, почему они нарушаются.

Первое ограничение описано в работе [Пазельская 2013] и связано с проблематичностью образования русских сложных глаголов. При наличии в русском языке сложного существительного *деревобработка* и сложного прилагательного с причастной морфологией *деревобработывающий* глагола **деревобработывать* тем не менее не существует.

В той же статье А. Г. Пазельской приводятся некоторые исключения из указанного правила, которые автор вслед за [Янко-Триницкая 2001] рассматривает как примеры «обратного

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003.

словообразования». От имен *психоанализ*, *сенокос* и т. д. образуются глаголы *психоанализировать*, *сенокосить* и т. д. [Там же]; добавим, что такое же направление деривации, скорее всего, представлено в русских сложных глаголах на *свое-*: *своевольный* → *своевольничать*, *своенравный* → *своенравничать* и т. д.

В [Пазельская 2013] есть и другой тип исключений из данного наблюдения: сложные глаголы регулярно образуются с первыми компонентами *сам-* и *взаим-*. В качестве первоисточника примеров названа книга Е. А. Земской [2005]: *самосохраняться*, *самоудобряться*, *самоускоряться*, *самоограничиваться*, *самоорганизоваться*.

Анализ, предлагаемый Пазельской для объяснения грамматичности *деревообработка* и *деревообрабатывающий* и неграмматичности **деревообрабатывать*, основывается на различиях в структуре номинализаций и адъективных образований, с одной стороны, и сложных глаголов — с другой. По мнению автора, деривационные показатели причастия (и, вероятно, номинализации) присоединяются в синтаксической структуре глагольной группы достаточно низко, до присваивания падежа. Напротив, при попытке образования глагола **деревообрабатывать* «внутри» словоформы оказывается падежный признак прямого объекта, что невозможно.

Второе ограничение много обсуждается со времен диссертации А. Маранца [Marantz 1981: 47—53]. Оно выражается в асимметрии семантических ролей, стоящих за подлежащим, по сравнению с другими синтаксическими участниками. Так, объектные роли теснее связаны с лексическим значением глагола, что выражается, например, в следующей закономерности: если у глагола в составе идиомы есть незаполненные валентности (хотя бы одна), то в их числе есть валентность на подлежащее, ср. *бить баклуши*, *валить дурака* vs. **дурак валяется*, **баклуши бьются*. Применительно к сложным словам данная закономерность проявляется в том, что сложные слова, в которых первая основа восходила бы к подлежащему, достаточно редки.

В работе [Богданов 2011: 42—43] приводятся примеры сложных слов с субъектной функцией первой основы — *кровотечение*, *снегопад*, *пылеобразование*, к которым можно добавить также *ледоход*, *водопад*, *листопад*, равно как и *горообразование*, *богоявление* и другие примеры из [Тестелец 2001: 340—341]. Богданов [2011] вслед за [Marantz 1981] и др. отмечает, что такие исключения представлены неаккузативными глаголами, т. е. такими одноместными предикатами, единственный участник которых имеет неагентивную роль. При этом сложные слова с явной агентивной первой частью, по всей видимости, в русском языке отсутствуют, ср.:

- (1) а. *человеколюбивый* ≠ ‘такой, которого любят люди’
 б. *насекомоядное* ≠ ‘то, что едят насекомые’
 в. *волкодав* ≠ ‘такой, которого дают волки’
 г. *работорговец* ≠ ‘тот, кем торгуют рабы’
 д. *импортзамещение* ≠ ‘замещение импортом своей продукции’

Таким образом, глагольные основы в сложных словах присваивают (первым) именным основам только роли (неагентивных) внутренних участников. Одно из регулярных исключений из данной закономерности — сложные образования с *сам*. В следующих примерах *сам* выполняет роль субъекта:

- (2) а. *самопишущий* ← ‘то, что само пишет’
 б. *самоговорящий* ← ‘то, что говорит без чьей-либо помощи’
 в. *самозаписывающий* ← ‘то, что само записывает’
 г. *саморегистрирующий* ← ‘то, что само регистрирует’

Наконец, **третье ограничение** известно достаточно хорошо. Оно связано с порядком расположения словообразовательной и словоизменительной морфологии, см., например, универсалию 28 Дж. Гринберга [Greenberg 1963]. Деривационная морфология обычно располагается рядом с основой, в то время как словоизменительная следует за деривационной,

см. *умнож-ен-ие, твер-ск-ой* и т. д. Это правило, конечно, имеет достаточное количество исключений, в качестве одного из них приводится как раз русское *-ся*, см., например, [Плунгян 2003: 27].

Итак, мы перечислили следующие ограничения: а) образование сложных глаголов в русском в целом непродуктивно; б) субъект задаваемых глаголом ситуаций редко бывает выражен лексически, первой частью сложного слова; в) деривационные показатели располагаются ближе к корню, чем словообразовательные. Первые два нарушаются русскими глаголами и причастиями типа *самоуничтожаться, самовзрывающийся*, а третье — всеми глаголами на *-ся*. Ниже мы попробуем сформулировать некоторые возможные объяснения такому нарушению.

2. Сложные глаголы с *сам*

Как уже было сказано, сложные глаголы в русском языке практически отсутствуют. Исключение составляют как раз образования на *сам-* (и чуть реже — *взаим-*). Глаголы с *сам-* в современном русском встречаются лишь среди глаголов на *-ся*:

- (3) *самообучаться, самоопыляться, самоумерщвляться, самосохраняться, самоудобряться, самоускоряться, самоограничиваться, самоорганизоваться, самоуплотняться, самоуспокаиваться, самоустраняться, самоутешаться, самовосстанавливаться, самоокупаться, самовозгораться, самообольщаться, самоопределяться, самовыразиться, саморазоблачаться...*

Обнаруживаемая в «Грамматическом словаре русского языка» небольшая группа глаголов с *сам-*, не содержащих постфикса *-ся*, явно относится к предыдущим этапам существования русского языка¹:

- (4) *самоуправствовать, самоуправничать, самохвальничать, самохвальствовать, самочинствовать, самовластвовать* [Зализняк 1980]

А. Г. Пазельская объясняет неграмматичность сложных глаголов типа **деревообрабатывать* невозможностью приписывания падежа внутри словоформы. Напротив, грамматичность глаголов с первой основой *сам-* и *взаим-* объясняется в ее работе тем, что такие единицы представляют собой фактически «показатель рефлексивизации, т. е. преобразования глагольной/именной основы из активного залога в возвратный... [П]оказатель рефлексива является поверхностным выражением оператора, который удаляет (*reduce*) из глагольной структуры семантическую роль, ассоциированную с внутренним аргументом, если она референциально совпадает с внешним аргументом... Всё это происходит существенно раньше приписывания падежей... поэтому никаких препятствий для существования глаголов с *сам-* (и, аналогично, *взаим-*) в русском языке нет» [Пазельская 2013: 588].

Подобный анализ восходит к работе [Кибрик, Богданова 1995], посвященной свойствам *сам* в синтаксисе и морфологии. Вывод авторов относительно *сам* в сложных словах, в частности, таков: «Сложные имена, указывающие на экстраординарное действие, которое в норме субъект не совершает сам с собой, восходят к конструкции *X [самого себя]* со значением самнеож (*сам-неожиданное*). — П. Г.), например: *самообожание...*, *самовнушение*» [Там же: 44]. Кроме значения неожиданности выделяются также контрастивное ('сам, а не кто-то другой') и самостоятельное ('сам без чьей-либо помощи') значения.

Подход к *сам-* в сложных словах как аналогу рефлексива простой предикации действительно имеет основания. Он хорошо согласуется с невозможностью приписывания падежа внутри словоформы, ср.: **полотенцасушитель, *икрыметание* и т. д. Выводы Пазельской

¹ Подразумевается более свободное употребление этих глаголов в предыдущие эпохи, а не полная невозможность их употребления в современном русском. Что невозможно в современном русском, так это продуктивное образование глаголов с *сам* без *-ся*, ср. **самодействовать*.

вроде бы подтверждает и сделанное нами выше наблюдение. То, что корень *сам-* возможен лишь с глаголами на *-ся*, согласуется с анализом, при котором *-ся* или комплекс *сам-...-ся* «адсорбирует» падеж переходных глаголов, см. [Chomsky 1981: 24].

Есть, однако, несколько фактов, которые подобный анализ объяснить не в силах. В первых, *сам* может употребляться не только в роли прямого объекта. В следующих примерах *сам* замещает косвеннопадежных участников:

- (5) *самодовольный* = ‘довольный сам собой’
самовлюбленный = ‘влюбленный сам в себя’
самонадеянный = ‘надеющийся сам на себя’
самоуверенный = ‘уверенный сам в себе’

В косвеннопадежных употреблениях *сам* уже не может «паразитировать» на *-ся*. Более того, косвеннопадежные зависимые имеют аналоги в сложных словах не только с *сам*: *пуленепробиваемый*, *солнцеподобный*, *жароустойчивый* и т. д. Как нам кажется, падеж действительно не может быть приписан внутри словоформы, но это не препятствует употреблению именных основ в составе сложных слов. Примером аргументов в составе сложных слов могут быть указанные выше косвеннопадежные зависимые, а также причастия, которые вполне способны приписывать аккузатив: *обрабатывающий дерево* — *деревообрабатывающий* и т. д. Наконец, глаголы — в отличие от причастий — не могут присоединять и адьюнктов, ср.: *быстрорастворимый* vs. **быстрорастворить* и т. п.

Попробуем понять, каковы функции *сам* в сложных глаголах и причастиях.

3. Функции *сам* в сложных глаголах и причастиях

Сам- в сложных словах всегда ориентировано на субъект, причем в ряде случаев — только на него:

- (6) *самодействующий*, *самопишущий*, *самовсасывающий*, *самоговорящий*, *самозаписывающий*, *саморегистрирующий*, *самосозерцающий*...

Примечательно, что сделанное выше наблюдение о возможности *сам* лишь с рефлексивными глаголами не нарушается — соответствующие данным причастиям глаголы неграмматичны:

- (7) **самодействовать*, **самописать*, **самовсасывать*, **самоговорить*, **самозаписывать*, **саморегистрировать*, **самосозерцать*...

Несмотря на возможность субъектного *сам*, его роль не может быть агентивной. Это видно, например, из того факта, что причастия с *сам* не могут употребляться с одушевленным существительным:

- (8) **самопишущий ребенок*, **самоговорящий попугай*, **самосозерцающий отшельник*²

Сам- в подобных случаях может задавать только неодушевленный каузатор (*самопишущее устройство*) или претерпевающее (*самоплавкий материал*).

Можно, таким образом, констатировать отсутствие агенса, который, как принято считать, присваивается на максимальном уровне глагольной проекции, vP [Chomsky 1995]. Другие

² По замечанию одного из рецензентов, в интернете находятся примеры типа *самосозерцающий бог*, *самосозерцающий демиург* и т. д., что опровергает тезис о неодушевленности. Автор не может согласиться с этим утверждением. По нашему мнению, в подобных примерах вершинное имя соответствует такому представлению о божестве, при котором оно (божество) лишено воли и других атрибутов грамматической одушевленности, ср.: «философия создает не только и не столько интеллектуальные понятия, а фундаментальные интуиции, смыслообразы, концепты (единое, или благо, — у Платона, самосозерцающий Демиург у Аристотеля, Левиафан у Гоббса)» (интернет).

роли, оказывающиеся доступными для выражения в сложных словах (в том числе каузатор), присваиваются в более низких позициях.

Далее, в случае переходных глаголов и образованных от них причастий *сам-* вместе с возвратной частицей *-ся* выполняет функцию субъекта и объекта одновременно:

(9) *самовзрывающийся, самодвижущийся, самонастраивающийся, самопрограммирующийся, самообучающийся, самопрокидывающийся...*

Такое употребление, в соответствии с подходом, предлагаемым в [Кибрик, Богданова 1995; Пазельская 2013], напоминает составной рефлексив *сам себя* (*Она сама себя высекла*). Ниже мы постараемся развить основанный на этом сходстве анализ.

Отметим, что причастные формы с *сам-* и *-ся* также не могут кодировать агентивных участников, ср. контраст примеров при наличии и в отсутствии *сам*³:

(10) а. **самодвижущийся инвалид, *самонастраивающийся спортсмен, *самообучающиеся дети...*

б. *движущийся (на коляске) инвалид, настраивающийся (на выступление) спортсмен, обучающиеся дети...*

Итак, *сам-* в переходных сложных глаголах обязательно ориентировано и на подлежащее, и на прямой объект: *самообучаться* — ‘самому обучать себя’ и т. д. Употребления *сам-* в сложных словах похожи на составные рефлексивы *сам себя* и *самого себя*. Мы также убедились в том, что *сам-* в сложных глаголах и причастиях не нарушает сделанного прежде наблюдения о недоступности агентивного прочтения аргумента, если последний хранится в лексиконе⁴. Далее мы представим наш собственный анализ *сам-* в сложных словах.

4. Структура сложных дериватов с *сам*

Итак, необходимо показать, почему *сам* в отличие от именных основ допустимо при образовании сложных глаголов. Для этого прежде всего надо сказать несколько слов собственно о том, почему деривация сложных глаголов в русском невозможна. Типологически этот факт достаточно нетривиален — отдельный тип языковой структуры представляют, как известно, инкорпорирующие языки, в которых именно глагольная словоформа способна включать в себя аргументные и другие зависимые.

Представляется, что неграмматичность русских сложных глаголов связана со свойствами русской деривационной морфологии. Показатели именной или причастной деривации могут лицензировать сложные основы: *деревообработка, деревообрабатывание, деревообрабатывающий...* Напротив, вербализаторы, допускающие присоединение более чем одной основы, в русском языке запрещены⁵.

³ Одним из референтов были приведены примеры типа *самообогатившиеся чиновники* (случай *самообогатившийся*, к слову, не обнаруживается поисковыми системами). Вопрос о границах запрета на одушевленность в подобных причастиях, вероятно, требует дальнейшего уточнения. В качестве одной из гипотез можно привести способность одушевленных имен употребляться с составным рефлексивом *самого себя* (*обогативший самого себя*), но не с рефлексивом типа *сам себя* (**сам движущий себя*). Оставим этот вопрос для последующих исследований.

⁴ И, таким образом, представленный в начале статьи второй запрет не нарушается — в его уточненной формулировке. Этот результат, однако, заранее отнюдь не очевиден.

⁵ Несомненно, подобное свойство русских вербализаторов требует объяснения. Одна из возможных гипотез — то, что вербализаторы выражаются морфологическим нулем в противоположность номинализаторам и адъективизаторам. Другая возможная причина — то, что вербализация каким-либо образом (например, присоединяясь поверх другой нулевой морфемы) нарушает запрет на двойное ветвление, см. [Гращенков 2016]. Задачей данной статьи было показать то, как и почему это ограничение обходится глаголами на *сам-...-ся*.

Наш подход к анализу сложных глаголов с *сам-* в общих чертах похож на анализ, предложенный в [Пазельская 2013], однако вносит ряд уточнений. Мы предполагаем, что *сам-* в комплексе с *-ся* — последнее отличает наш анализ — является рефлексивным средством. Комплекс *сам-...-ся* выполняет функции, аналогичные *сам себя* и *самого себя* в простой предикации, — устанавливает, что внешний и внутренний участники описываемого действия идентичны и что (вопреки возможным ожиданиям) действие выполняется именно данным участником самостоятельно.

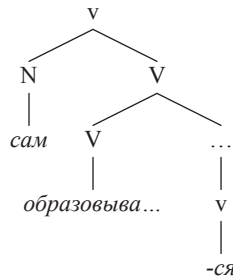
В случае сложных глаголов *сам-*, таким образом, «паразитирует» на *-ся*. Это подтверждается наблюдением о том, что *сам-* в составе современных глаголов возможно только при наличии *-ся*, см. выше. Показательны также следующие примеры (из интернета; орфография и пунктуация сохранены), где *сам-* в составе сложного глагола относится не к *-ся*, а к фонологически самостоятельному *себя*:

- (11) а. *Я ни разу нигде не читал, чтобы японцы, китайцы, америкосы и др. достойные народы так самобичевали себя.*
- б. *А я саморазоблачил себя, подсчитав, сколько я заплатил и сколько должен был заплатить.*
- в. *... души их должны пережить и переживут это Слово, — что каким-то образом, каким именно, никто не мог понять, — всякая самоосознавшая себя единица после своего распада снова воссоединится.*
- г. *Я не имел причин питать особую нежность к этой расе самообожествляющих себя демонов.*
- д. *Вы видели только цыпленка, образ, узкоматериальный и только смешной, — он самосозерцал себя, как символ.*

Установление ограничений на дериваты с *сам-*глагол + *себя* требует отдельного изучения. Пока лишь скажем, что все случаи *сам-*глагол + *себя*, видимо, соответствуют одушевленным участникам (ср. *самозатягивающий себя узел).

Мы предлагаем для глаголов с *сам* следующую структуру:

(12)

Таким образом, глагольная деривационная морфология не допускает сложного лексического материала, и *сам-* фактически проецируется возвратной морфемой *-ся*. Показательно, что в случае причастий *-ся* иногда опускается (примеры из интернета):

- (13) а. *... как вязать самосбрасывающийся узел, который распускается при отсутствии натяжения верёвки?*
- а'. *... если кузов опрокидывающийся, то нужен самосбрасывающий узел...*
- б. *Первый самодвижущийся транспорт, купленный своему ребенку...*
- б'. *Погрузчики — это самодвижущий подъемный транспорт...*

В примерах со штрихом и объектная, и субъектная функция выражаются только при помощи *сам-*. Это прекрасно согласуется с тем фактом, что причастная морфология в целом не препятствует образованию сложных слов, ср.: *водосбрасывающий, деревообрабатывающий* и т. д.

То, что *сам-* может не только быть ориентированным на подлежащее, но и, например, замещать косвенный объект, мы также наблюдали в лексемах типа *самодовольный, самолюбленный* и т. д. Наиболее очевидна способность *сам-* к выполнению объектных функций в случае сложных существительных, где возвратное *-ся* невозможно: *самолечение* — ‘лечение самого себя’, *самоуспокоение* — ‘Х сам успокаивает себя’ и т. д.

Таким образом, *сам-* используется как субъектно-ориентированное средство, проецируемое вершиной *-ся* в случае глаголов, основы которых не могут иметь зависимых. В случае дериватов других частей речи этого запрета нет и *сам-* может одновременно с субъектной функцией выполнять и функцию прямого или косвенного объекта.

Скажем несколько слов о статусе возвратного *-ся*. Мы далеки от того, чтобы предлагать окончательную разгадку проблемы, связанной с позицией *-ся* в структуре глагольной словоформы: почему финитная морфология предшествует показателю залога при том, что в структуре простой предикации расположение морфем обратное.

Как представляется, анализ, при котором *-ся* обладает способностью проецировать собственный материал (*сам-* в нашем случае), подтверждает вершинный статус этого возвратного показателя в структуре глагольной словоформы. Как мы полагаем, русское *-ся* может занимать позицию вершины voiceP аналогично немецкому *sich* [Schäfer 2008: 179—209] или же малого *v*, см. [Kratzer 1996]. Способность *-ся* проецировать собственную структуру отличает этот показатель, например, от суффиксов пассивных причастий *-н/-т*, которые обладают меньшей самостоятельностью и (как следствие) располагаются ближе к корню.

Детальный анализ того, как именно финитная морфология попадает «между» глагольной основой и *-ся*, мы оставляем для будущих исследований.

5. Заключение

Аргументы в составе сложных слов не могут получать агентивных ролей. Стоящие за ними участники — это каузатор или пациенс, но не агенс. *Сам-* в глаголах и причастиях подчиняется этому ограничению, несмотря на то, что регулярно соответствует субъекту. Одновременно с этим *сам-* может выполнять роль прямого (*самосбрасывающийся = самообрасывающий*) или косвенного (*самоуверенный*) объекта.

Грамматичность русских глаголов на *сам-* связана с тем, что *сам-* в этом случае проецируется рефлексивными средствами, *-ся* или *-себя* (реже). В целом сложные глаголы в русском языке непродуктивны — это, скорее всего, связано с неспособностью вербализующих показателей оформлять синтаксические комплексы из более чем одной основы (в противоположность номинализаторам и адъективизаторам). Способность иметь собственные зависимые элементы говорит о вершинном свойстве *-ся*, которое, скорее всего, проецирует составляющую *v(oice)P*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богданов 2011 — Богданов А. В. Семантика и синтаксис отглагольных адъективов. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова. [Bogdanov A. V. *Semantika i sintaksis otglagol'nykh ad'vektivov*. Kand. diss. [Semantics and syntax of deverbal adjectives. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2011.]
- Гращенко 2016 — Гращенко П. В. Морфология — взгляд из синтаксиса // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 7—35. [Grashchenkov P. V. Morphology — a view from syntax. *Voprosy jazykoznanija*. 2016. No. 6. Pp. 7—35.]
- Зализняк 1980 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. [Zalizniak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow: Russkii Yazyk, 1980.]

- Земская 2005 — Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. [Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Kom-Kniga, 2005.]
- Кибрик, Богданова 1995 — Кибрик А. Е., Богданова Е. А. Сам как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28—47. [Kibrik A. E., Bogdanova E. A. Russian *sam* as an operator of correction of the hearer's expectations. *Voprosy jazykoznanija*. 1995. No. 3. Pp. 28—47.]
- Пазельская 2013 — Пазельская А. Г. Инкорпорация в глагольных формах в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013). Селегей В. П. (ред.). Вып. 12. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ. С. 579—591. [Pazel'skaya A. G. Incorporation in Russian verbal forms. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2013)*. Selegei V. P. (ed.). No. 12. Vol. 1. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2013. Pp. 579—591.]
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. 2-е изд. М.: Изд-во РГГУ, 2003. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2003.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. [Testeleets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2001.]
- Янко-Триницкая 2001 — Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. [Yanko-Trinitetskaya N. A. *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke* [Word formation in Modern Russian]. Moscow: Indrik, 2001.]
- Chomsky 1981 — Chomsky N. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 1995 — Chomsky N. Categories and Transformations. *The Minimalist Program*. Chomsky N. Cambridge (MA): MIT Press, 1995. Pp. 219—394.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of language*. Greenberg J. H. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1963. Pp. 73—113.
- Kratzer 1996 — Kratzer A. Severing the external argument from its verb. *Phrase structure and the lexicon*. Rooryck J., Zaring L. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1996. Pp. 109—137.
- Marantz 1981 — Marantz A. *On the nature of grammatical relations*. PhD diss. Cambridge (MA): MIT, 1981.
- Schäfer 2008 — Schäfer F. *The syntax of (anti-)causatives. External arguments in change-of-state contexts*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.

Получено/received 03.07.2016

Принято/accepted 07.02.2017